

Том Шеппард

**...и при всякой
погоде**

Том Шеппард
...И при всякой погоде

«Автор»

2020

Шеппард Т.

...И при всякой погоде / Т. Шеппард — «Автор», 2020

Перед вами – внутренняя автобиография школьных лет. Замкнутый мирок коридоров и классов, опыт мучительных переживаний и преувеличенной значимости каждого слова и взгляда, минуты беззаботной радости и волшебных фантазий, делающих этот мир цветным... Глубоко личная и честная попытка понять и осмыслить уникальный опыт, знакомый всем, кто когда-то пережил это время – и вряд ли навсегда забыл.

© Шеппард Т., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Младшие	5
Средние	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Том Шеппард

...И при всякой погоде

Младшие

Первое воспоминание – образ коридора. Старый коричневый палас с затершимся и сморщенным узором в том углу, где проливают воду и топчутся все, кто с порога. Одинокий плафон в высоте потолка с резными фигурками мальчика и девочки по краям. Пузатый холодильник, стоящий на пути в ванную. Перекидной календарь на стене. Старые часы. Свет. Он виден уже из кровати – широкая полоса на ковре, в соседней комнате.

Я не помню мгновения, когда она появилась, не помню, когда открыл глаза. Сквозь сон слышу скрип половицы под затершимся углом. Но и без него мысленно вижу знакомый поворот прихожей, подол цветастого халата, мальчика и девочку, часы. Молниеносно вспыхивает в голове: раннее утро, лежу в кровати, по коридору идет бабушка. Утро казни. Шаги безжалостно торопливы. Они идут – и в их отзвуке слышен мой приговор: пора вставать, пора завтракать, пора в школу. Пора на казнь. С безумным отчаянием, на грани сна и реальности, я сжимаюсь и замираю от ужаса, жду следующего мгновения. Сбитое с толку сознание еще не уверено. Может быть, только шесть или половина седьмого, и есть еще возможность. Только бы понежиться две минуты, одну, тридцать секунд – только бы не теперь, не сразу. Сначала разум должен принять, осмыслить неизбежное. Побывать в безопасности теплой постели – только здесь. Но слабая надежда угасает. В глубине спящего сознания лежит уже готовый ответ. Это непровольное воспоминание, горький опыт, инстинкт, который не обманешь и который говорит: «Нет, они приближаются, они ведут за собой реальность – самую настоящую и непроверяемую. И самое большое и теплое одеяло бессильно против нее». Я напрягаю слух в последний раз, но широкая полоса утончается, вытягивается, достает до моего порога – дверь открылась. Еще мгновение – и темный силуэт бабушки возникает в проеме. Думая, что я еще сплю, она тихо и ласково зовет меня по имени. Слова ежедневного приговора, слышанные сотни раз, прибавляются к нему, как по уставу. Каждый день, с понедельника по пятницу, ровно в семь часов, приговор оглашается, без жалости и промедлений. Слушайте же все: наступил новый день – учебный день! Тут же, не дожидаясь ответа, силуэт исчезает, возвращаясь тем же путем, что и пришел – с поворотом у холодильника в конце.

Мое тело, стрелой вытянувшееся по постели, бессильно опадает. Признавая бессмысленность спора с неизбежным, оно наслаждается блаженством – последними его секундами. Я откидываю голову на подушку, делаю вид, что никуда не спешу, хотя отлично знаю: уже сейчас правой ногой, а за ней – и всему сонным теплом согретому телу – придется столкнуться с холодной действительностью – действительностью черной комнаты. Особенно ужасна она зимой – контраст с постелью разителен. Не в силах выдержать яркого сияния, преодолевая мелкую дрожь мыслей и всего тела, встаю и шатающейся походкой приближаюсь к ванной. Равнодушный щелчок – и тот же невыносимый блеск вокруг, стук капель, отсыревшие за ночь объятия. В зеркале над раковиной с трудом узнаю чью-то угрюмую, беспомощно щурящуюся физиономию. От неприкрытого отвращения ко мне она опускает глаза и бледной тенью выползает из комнаты. Снова щелчок – и тьма. Прохожу в кухню – и, сгорбившись, устраиваюсь в привычном углу. Желтые, потемневшие от копоти обои все те же. Более отчетливый, но скрытый сиянием силуэт бабушки наклоняется и ставит. Перед глазами – тарелка. За ней, как из ниоткуда – вилка, чайная ложка. Долго и звонко болтаю ею в чашке, стараясь размешать два кубика, давно уже растворившихся. Задерживаю взгляд на пузырящейся пенке – весело кружится в чайном водовороте. Изучаю фарфоровый узор чашки – набор скучных и однообразных завих-

рений. Нехотя вспоминаю о завтраке. Поддеваю на вилку кусочек и с любопытством разглядываю: омлетный материк, воздушную его поверхность, многочисленные дырочки и порочки. Внимание привлекает люстра. Нечеткое от колебаний отражение глядит на меня со дна. Почти залезаю туда носом, рассматривая во всех подробностях. Ощущение, будто прошла минута, быстро исчезает. Вздрагиваю каждый раз, как поднимаю голову. Часики. Квадратные и синие, они неслышно тикают напротив. Вместо одной потеряно пять – но время как будто бы остановилось. Резкими движениями опускаю и поднимаю вилку – быстрее и быстрее – но люстра все глядит и отвлекает. Теряю еще три или четыре. Большая стрелка почти у пятнадцати. Пора допивать чай и чистить зубы. Знакомый силуэт возникает справа. Он выполняет плавные и незаметные движения, затем исчезает – и появляется снова. На мысли об их назначении сосредоточиться трудно. Но есть твердая уверенность: благодаря ним выполняется важная для меня работа. Значение ее является даже решающим – но изучение чайных глубин поглощает все время и силы. И еще. Со всех сторон кухни обступают размышления – о многочисленных сегодняшних несчастьях. Поначалу туманные, как правая половина (в двух углах там прячутся раковина с плитой), они постепенно проявляются.

В первом ряду стоят обдуманно тщательно еще вчера – по много раз каждое. Одно – контрольная по математике, страшная из-за темы, которую проболел. Моей вины в этом нет – но теперь я отстал. Перед товарищами, которые все знают, чувствую себя беспомощным. Другое – глупое признание о Рите, которая мне нравится. Я сказал это случайно, в присутствии Саши и Никиты. Саша не расскажет – но может Никита. Он дружит с Колей Фадеевым, который тоже влюблен в Риту – либо как брат ей. Хотя, может быть, никто и не понял, не воспринял всерьез. Но избавиться от мысли, что Никита расскажет – при всех и при ней – невозможно. Все они будут смеяться. Когда же войду в класс, начнут переглядываться – но вслух не скажут. Потом кто-нибудь (наверное, Никита) обязательно подойдет и сообщит, что они знают – что знает она. Но такие разговоры между мальчишками ничего обычно не значат. Это была шутка, ее могли и не понять – и уж точно не понял Саша, помешанный лишь на оружии и стрелялках. Никита же любит подражаться, пошутить – но вот сплетничать... Есть еще и третья – урок физкультуры. Хотя это будет в четверг, заранее стыжусь. Знаю, что не смогу прыгнуть через козла. Но хуже всего – канат, который неизбежен. Уж лучше не приходиться, чем так опозориться. И, хотя ладони мои становятся липко-влажными (желудок же предательски сдавлен), я думаю о нем – о спасительном островке надежды. О большой и мягкой постели, готовой приютить меня на несколько мгновений – последних и сладостных, после которых наступит конец.

С этой мыслью бодрее вышагиваю к ванной. Отчужденное ото всех существо по ту сторону зеркала вялыми и заученными движениями чистит свои зубы. Наконец, можно вернуться к себе, и, затаив дыхание, я проскальзываю в комнату. Но совершенно случайно, на стене, замечаю: осталось десять, семь, пять или – о, ужас – три минуты! Мгновенно нырнув под одеяло (еще теплое) я закрываю глаза – и начинаю думать. О том или о той, кто скажет несколько слов, утешит, объяснит, что это не навсегда, что очень скоро я вернусь – и что мы опять будем вместе. Обычно тот или та – персонажи из книг или мультфильмов, которые после обеда смотрю я каждый день. В моем воображении все они умны, находчивы и дружелюбны. Все они всегда знают, чем порадовать меня – и чем снабдить в утреннее путешествие. Чтобы дорога не казалась такой длинной, а утренняя тьма – настолько непроглядной и глубокой. Сейчас это девушка из рекламы жвачки, в которую я влюбился несколько дней назад. Она особенно нежно улыбается мне, и ее мысленное присутствие мгновенно успокаивает меня. Замечтавшись, я вскакиваю и устремляю молящий взгляд на будильник. Великодушнее, чем кухонный коллега – но честный – он прямо заявляет, что все страхи и опасения мои напрасны – ведь в полусне время течет для нас медленнее. А, значит, есть еще пять, три – хотя бы одна минута. Вечная минута безопасности. Эту последнюю я провожаю взглядом, особенно отчаянным и жалобным, следящим за движением стрелки на протяжении всех ее шестидесяти шажочков. С видом пригово-

ренным и убитым спускаю поскорее ноги, накидываю рубашку, джинсы и свитер. Внутренний холодок (предатель, объединившийся с комнатным) возрастает с каждой минутой. Взвалив на плечи портфель, переступаю порог – и вижу у выхода бабушку. Она уже готова. Она улыбается.

Каждое утро я прихожу заранее, минут за пятьдесят. Переодеваю сменку и жду – встречаю проходящих товарищей. Сажу я в раздевалке. Она разделяется на две половины перегородками с проходами. Слева – старшие классы, справа – средние. Каждый год они перемещаются, меняются местами, путаются. Для меня же все одиннадцать лет – едины. Я сижу в левой половине, в дальнем углу справа, притаившись за перегородкой. Хороший наблюдательный пост. Видно вход и охранника. Он ходит туда-сюда, заложив руки за спину, смотрит сердито – но по-доброму. Иногда заговаривает с уборщицей, со знакомыми учениками – шалопаями, конечно. Уборщицу не вижу, потому что не помню. Их было много. Помню, что она появляется из двери – слева от входа. Место для меня загадочное. Раздевалка, склад швабр, комната для отдыха или совещаний – точно не знаю. В этом и вся загадка. За порогом – кусочек паркета. Желтого, который везде. Все, что мне известно о комнате. Та представляется бесконечной, но главное – что-то хранящей. Туда заходят многие – туда заходит охранник. Это еще тот, старый, коротко подстриженный и седой. Новый появится в конце. Его будут звать Анатолий. В такое время приходят особенные люди. Они приходят рано, как и я – но причины должны быть другими. Мне про них неизвестно. Одна из таких – девочка-эльф. Она очень красивая и с длинными волосами – из-за прядей же видны острые ушки. В ней есть что-то фиолетовое и волшебное, и даже поэтому она – эльф. Однажды я слышал ее имя – очень простое – но забыл его. Она на год младше и учится с Катей – дочерью Анны Валерьевны. Но об этом я узнаю нескоро. Не думаю, что я влюблен в нее, хотя она – часть школьного мира. Того, что бывает утром.

Поначалу всегда тихо. Потом собирается очередь. Собирается она в левом коридоре, ведущем в школу и на третий этаж – к нам. Важно не пропустить начало процесса. Выйдя из раздевалки, вижу, что первые смельчаки стоят уже на линии. Дальше проход закрыт. Дежурный на посту. Сейчас он один – но потом их станет двое или трое. Может быть – больше. Вместе они будут сдерживать толпу. Им запрещено пропускать всех, кто старше четвероклассника. Пройти можно в восемь пятнадцать – но этим не доволен никто. Смелчаки пытаются прорваться – и есть разные способы для этого. Самый очевидный – действовать сообща, так что дежурные не сумеют удержать всех, и один или двое пробьются. Дежурные все понимают – и не слишком мешают нарушителям. Но есть и такие, кто догонит – и вернет даже из дальнего коридора. Таких мы особенно не любим. Другой способ – заговорить зубы, изобразить пай-мальчика, и в нужный момент – рвануть что есть сил. Но здесь лишь одна попытка. Потом за тобой следят. Имея нужную внешность, можно сойти за младшеклассника. Но бывает и наоборот. Я – высокого роста, и дежурные всегда останавливают меня. Раз уж такой высокий, постой-ка, дружок, со всеми. Мне стыдно и обидно за это – ведь я имею право пройти. Одноклассник, проходящий мимо, может окликнуть – и утащить за собой. Но не всегда поверят и ему. Становится совсем уж стыдно – и все-таки ты покорно ждешь. Ждешь пятнадцати минут. Спасти может лишь Анна Валерьевна – но лучше бы этого не было. Дети учителей легко проходят вместе с ними, а самые находчивые – увязываются следом, притворившись братиком или сестричкой. Но иногда семейство разрастается слишком, и наглых родственничков – из последних – возвращают недовольных на место.

Все это было позднее. В первые четыре года, если контроль проходил успешно, я садился в коридоре и переодевался. Раздевалка младших располагалась тут же, напротив. Коридор был очень узким, мы стояли на пути. Возникали столкновения, проливались слезы. Мы были маленькими, и нас не замечали – как не замечают голубей на улице. Один раз толпа увлекла меня. Из большого коридора ее понесло направо – к нашему классу же вела левая лестница. Я знал, что мне нужно туда – но не мог пойти сам. Каждое утро приходила Анна Валерьевна – и отводила всех вместе наверх. Я оказался удаленным от друзей и вообще – от всего мира.

Силе, что влекла меня, сопротивляться не выходило. Я покорно поднимался – зная, что иду не туда. В руках – куртка и сменка, за спиной – портфель, тяжелый и огромный. Страшно до обморока. Я не знал, куда иду – но идти было нужно. Число лестниц казалось бесконечным. Наконец, они кончились. В обе стороны тянулись коридоры – ужасно длинные, с желтыми стенами, тонувшие в полутьме. Четыре последних года я провел именно в них. Я шел наугад и ничего не видел. Глаза застилала слезы. Наверное, я громко разревелся, так как один из мальчишек подошел ко мне – и что-то спросил. Хотел узнать, наверное, что случилось. Наверное, я ответил. В следующее мгновение, со слезами – но уже счастья – я шел навстречу Анне Валерьевне. Отряд моих товарищей маршировал по пятам – как ни в чем не бывало. Я лепетал что-то трогательное, простирая руки, готов был обнять и расцеловать каждого. На меня смотрели равнодушно и удивленно, не понимая, зачем, но главное – откуда. Анна Валерьевна же все поняла. Глупый и беспомощный Дима.

За это я ее не любил. Не любил и вообще. В самой ее фамилии – Гребешкова – мне слышалось что-то враждебное. Враждебное для всех детей. Будто заставляют причесываться – а ты не хочешь. Лицо ее – внешне умное и доброе – казалось мне холодным и притворно-добродушным. Неприятнее же всего был снисходительный тон, с каким обращаются к детям, опускаясь до их уровня и желая что-то объяснить. Объяснения Анны Валерьевны были правильными и разумными – но за ласковой улыбкой читались лишь равнодушие и презрение. Она была злой колдуньей, желавшей казаться доброй – но на добрые дела не способной. Возможно, я был жесток и несправедлив к ней – но я не любил ее. Как и она меня. В те годы я дружил с Димой – с другим. Фамилия его была Чихачевский. Он враждовал с Анной Валерьевной – и ненавидел ее еще больше. Это был странный и домашний мальчик – такой же, как я. Мы быстро узнали, что похожи – и начали общаться. Анна Валерьевна ненавидела Диму не меньше. Может быть, за то, что он ненавидел ее, а, может быть – из-за мамы, ссорившейся с ней постоянно – и настраивавшей против и мальчика. Я не понимал, зачем они ссорились – но еще больше не понимал Диминых родителей, говоривших про людей то, что часто оказывалось неправдой. Наверное, они защищали его, хотели, чтобы сын их чувствовал себя лучше. Не только чувствовал – но и был, оставаясь совершенно равнодушным – к насмешкам и замечаниям других. Но это было невозможно – представления же Димы об учителях и товарищах становились все только хуже. Анна Валерьевна не понимала, в свою очередь, того, зачем я дружу с Чихачевским – и не любила меня еще сильнее. Увидев ее на улице, я сворачивал в сторону. Привычка эта так и сохранилась.

Несмотря на это, были в школе места – по-настоящему волшебные. К примеру, раздевалка. Куртки и сменку в ней вешали все младшие. Вещей набиралось так много, что ярко освещенная комната напоминала собой склад. Ряды с увешанными крючками располагались вдоль и поперек, создавая впечатление лабиринта, где можно было бродить часами и заблудиться. Раздевалка была небольшой, я знал это – но воображение мое плутало в ней безгранично. Мы приходили рано, и большую часть года за окном было темно. Сразу же за ним виднелся фонарь – огромный и бледный. Да и сам подоконник, потолки и вешалки казались большими и высокими, а потому – внушающими трепет. То было особенное место – место, где сходились все пути. Станным и страшным казалось мне оно – стоило лишь задержаться здесь и остаться одному. Особенность его проявлялась в принадлежности – к миру, в котором я жил. Он был огромен – и невелик одновременно. Я знал входную дверь, охранника, дежурных в начале коридора, скамейки со стальными ножками, раздевалку, большой коридор, лестницу, наш кабинет. По дороге из желтого кирпича я перемещался – от одного к другому. Земли за ее пределами вызывали ужас. С примесью любопытства – и суеверный.

На третьем этаже, где мы учились, были коридор и площадка – площадка для игр. Это пространство (включая класс, два туалета и лестницы) равнялось в нашем понимании улице. С многоэтажными домами, дворами и собаками – со всем, что полагается. Мы «жили» там

большую часть времени. Уроки почти не запоминались – но стоило лишь прозвенеть звонку, как начинались хаос и веселье. Всех игр не перечесать – но, как и везде, уважались салки и прятки. Салки были не обычными салками – но салками-прилипалками. Стены, подоконники, двери – сюда можно было «прилипнуть», чтобы спастись от опасных преследователей. Прятаться в туалете считалось трусостью и не по правилам. Играли только со своими. Ребята из «Б», «В» и тем более – «Г», бегали в том же коридоре – но отдельно. Лица их в памяти не задерживались. Казалось, что их очень мало и что все они сидят по своим классам – здесь же, снаружи, бегаем только мы. Это считалось правильным и естественным, ведь мы были «А», лучшие, просто «мы» – которым нет дела до «них». Так это виделось мне – ни с кем из соседних классов не дружившему.

В любом случае, места всегда хватало. Дежурные были и здесь, но тоже не запоминались – словно деревья или мусорные баки. Они ловили тех, кто «бегал» – но, так как бегали все, нарушителей почти не оказывалось. В одном конце коридора было окно, в другом – дверь, ведущая к старшим. Оба производили впечатление чего-то страшного и загадочного, такого, что всегда было и куда нельзя идти – но ужасно хочется. Узор на окне состоял из разноцветных стеклышек и ассоциировался с чем-то магическим, возвышенным и церковным. Дверь была непрозрачная и со стальными шестами (за них тянули вместо ручки). Я не помнил ни одного случая, чтобы она открывалась, и не мог представить себе, что находится по ту сторону. Так или иначе, пространство это было для меня другим измерением, местом, куда мечтаешь попасть – но где ни за что на свете не окажешься. Еще более древней и магической казалась дверь наверху, в тупике. Даже через непрозрачное стекло ее проникали мрак и тишина, наводившие ужас. Мысленно к ним прибавлялись паутина, привидения – и кто-то еще пострашнее. Однажды мы с Настей прятались там. Мы изображали Гарри и Гермиону, тайком сбежавших с урока. Попытка оказалась успешной. Рита Короленко (изображавшая миссис МакГонагалл) искала нас везде, беспомощная и напуганная – и даже обиделась. Жутко было сидеть у той двери. Но удовольствие перехитрить Риту превышало все на свете.

Вспоминаются и другие случайные эпизоды. Саша Терешков рассказывает на перемене про Сэма – персонажа стрелялки – и про то, как взорвал старую машину. А еще – про сундучок, где хранит взрывчатку, петарды или все вместе. Вместе с девчонками бью Чихачевского – за то, что он сломал стул. Делаю это из солидарности, из мнимой справедливости – и из желания казаться своим. В коридоре появляется Петухов – и снова пристает к Саше. Он хулиган и ходит на карате. Я прячусь. У Коли Фадеева появилась игрушка. На перемене к нему не пробиться. Объясняю дома, что хочу серую коробочку, где по пещерам бегает парень. Слова «геймбой» еще не знаю. После третьего урока сижу с Колей Зацепиным. Мы начали дружить. Он достает термос, пакетик с бутербродами, печенье – традиция на большой перемене. Тут же – и Вася Катаев. Ему достаются бутерброд или печенье. Я ничего не ем. Люблю сидеть рядом и наблюдать за процессом. Снова рядом с Колей – но тот убегает. Подойдя со спины, забросил мне за шиворот горсть снега. Я весь в слезах и в ярости. Бабушка уже зовет меня – но я бегу. Бегу – и не догоняю его. Задыхаюсь от бессильной злобы.

Важным событием тех лет была поездка в Загорск – Сергиев-Посад теперь. Ездили, как полагается, на автобусе – экскурсионном и белом. Расстояние казалось огромным, время поездки же – неизмеримым. Полтора часа, может быть, два, но все равно – за пределами. По этой причине важен был выбор спутника, соседа. Провести вместе целую жизнь, отправиться в путешествие, в экспедицию – вот что предстояло нам. Стоя у автобуса и ожидая опоздавших, мы весело болтали, кричали, ходили в магазин как взрослые – за водой и чипсами. Нетерпеливые забивали места сразу. Другие делали это на словах, надеялись на удачу – просто не думали, наконец. Окончательное распределение – самая загадочная часть поездки – волновало меня необыкновенно. Перечислить в воображении все варианты казалось невыносимым. Но и от одного их количества дух захватывало невероятно. Сядет ли Аня Черных с Колей или

предпочтет Риту? А, может быть, Иру Талызину? Все зависело от этого. Каждый из вариантов предполагал особое настроение, в каждом был свой повод для радости – и свой для огорчения. Оказавшись в компании одного, хотелось поговорить с другим, посидеть с третьим – и так обойти всех. Ограниченность выбора представлялась естественной, но забывалась – и как будто не существовала. После же сомнения выглядели странными – и даже смешными. Разве мог я оказаться с кем-то, кроме Миши?

Миша Жариков еще не был моим другом. Мы не знали, зачем выбрали один другого, но оба понимали, что хотим этого – и что так будет правильно и весело. Детская непосредственность решала все. Сила ее была безгранична. Мне нравился мой сосед – но я не переставал вертеться. Хотелось хорошенько разглядеть, кто и каким образом устроился – и кто и чьим спутником заделался. Как и всегда, отдельные пожелания сочетались со случайностью распределения, поражая безукоризненной гармонией, принимавшейся без претензий. И все же позади оказывались неизменно избранные. Они образовывали целый кружок – в центре которого находился Фадеев. Обаятельный, положительный и разумный – негласный лидер класса на протяжении долгих лет. Зависть была мне незнакома, но я ясно чувствовал, что хочу быть там, хочу смеяться и играть (во что-то такое, не слышное отсюда), хочу комментировать и болтать – хочу быть по-фадеевски значимым и нужным.

Но комментировал и Миша – все, что происходило за окном. Так остроумно и увлекательно, что об остальном думать и не хотелось. Мы продолжали говорить. Миша задавал вопросы. Он спрашивал о тех вещах, про которые знал сам, желая разделить свою радость с кем-то еще, а при случае – и ответить. Говорил и спрашивал он весело – и с искренним любопытством. Ему было одинаково интересно, что я ем и во что я играю, на каком этаже я живу, но главное – в каком микрорайоне. Ответа на последний вопрос я не знал. Не понимал, что значит «микрорайон». Было ужасно неловко. По словам Миши, он жил в шестом – я ответил то же. Я надеялся, что цифра эта описывает достаточно большую площадь, чтобы поместить туда оба наших дома. Мы учились в одной школе, и близость расстояний казалась естественной. Обо всем наговорившись, мы начали играть – в угадывание чисел. Как и Мишу, меня не смущал тот факт, что абсолютно случайное число угадать невозможно. Или почти. Мы не понимали этого – и просто загадывали. Не договариваясь, мы оставались в пределах первой сотни, задумывая дальше лишь тысячи или миллионы – но без десятков и единиц, которые с той же удивительной слаженностью снова и снова обходились. Игра быстро надоела – но на счет каждого (честно или с поддавками) были отгаданные числа. Все везли с собой бутерброды, но их не ели, приберегая на обратный путь, и тогда они проглатывались с утроенным аппетитом – и с такой же скоростью.

Что было там, вспомнить непросто. Единственное, что сохранилось: лавка сувениров, улица с церковью, автобус в сторонке, роскошный парусник. Огромная, до мелочей продуманная модель, выставленная в музее – и поражавшая воображение ребенка. Вглядываясь в лица крошечных матросов, крошечные канаты и бортики, хотелось забрать все это домой – и бесконечно играть с ним. Варианты игры придумывались тут же – и так же поражали многообразием. Все было, как с автобусом – но вершителем судеб становился уже я. Теперь по-настоящему. Право решать, кто погибнет, а кто выживет (в страшной буре, например) оставалось за мной. За мной исключительно. Но ни в одних только бурях и поисках сокровищ, сражениях с пиратами и многоруком штурвале заключалась несказанная прелесть. Интересно было заглянуть в каждый иллюминатор, в каждую маленькую каюту за маленькой дверцей – ожидая и там увидеть продолжение мира, созданного с такой любовью. Но долго любоваться мне не позволили. Другой зал, еще один и еще, затем за сувенирами, спешно на улицу, и вот – снова автобус. Обратный путь поражал своей скоростью и тем чувством спокойного удовлетворения, которое присутствовало во мне и как будто бы – во всех окружающих. Все были оживлены и веселы, болтали без умолку, шутили. Внутри было прохладно и комфортно – интерес же ко

всему, что мелькало за окном, казался неисчерпаемым. Радость вызывала каждая полоса, стремительно уносившаяся по шоссе обратно – и оставлявшая мгновенную и светлую печаль, тут же сменяющуюся новой радостью при виде длинного забора или сорняка в асфальте, задних колес автомобиля или детей с собакой, лица человека в дверях магазина – или часовой башни в блеске солнечного света. И меньше всего хотелось, чтобы движение заканчивалось. Чтобы закончилась сама поездка – когда придется расставаться и идти домой. Но в том и состояла нераскрытая тайна необъяснимой радости. Все было кончено. Я ехал домой. А еще ехал Зацепин. В зеленом костюме – и единственный, кто на колесе городского автобуса мог без труда удерживать равновесие. Но то было потом.

Потом была и наша встреча на прогулке. Я гулял с родителями, он – с мамой. Мы встретились случайно, на территории школы. Мы начали играть в «стрелялку». Играли один на один – мальчишек вокруг не было. Автоматами служили палки, найденные случайно по дороге. Колина была длиннее и корявее – что уже означало превосходство. Мы разбегались по территории и осторожно искали друг друга. Кто увидит и издаст звук выстрела первым – тот и победил. После первых же «раундов» я осознал, что Коля находится в своей стихии, я же – неловок и медлителен. Но играли мы долго и увлеченно, совершенно не следя за временем. Мы были достаточны малы, чтобы чувствовать размер территории – и понимать, до чего много вокруг мест для хорошей засады. Каждую секунду я испытывал невероятное напряжение, опасаясь выстрела сверху, сзади или сбоку, из-за любого ближайшего куста – и даже из-за лестницы. По ощущениям игра напоминала охоту – и охотником был не я. Я не мог рассуждать стратегически, не умел планировать, был не способен на хитрость. Я думал только о том, как не попасться, не выглядеть глупо – если убьют посреди дороги. Мне было стыдно, что, будучи мальчишкой, я играю так плохо. Мне казалось, что Коля отлично понимает это и в душе смеется надо мной. На деле же, ему хотелось побеждать – и только.

В одном из раундов, в передней части территории, мне встретились Настя и Рита. Настя Баранова и Рита Ключкова были подружками. Они были болтушками и хохотушками. Они сидели на лестнице. В их присутствии я изображал профессионала и обводил территорию многозначительным взглядом. Но стратегические способности мои все так же отказывали – и я все так же ожидал пули в спину, стыдясь теперь и смеха зрительниц. Они молчали и глупо улыбались – и в характерном выражении этом угадывалось предательство. Они знали, где находится Коля, но не говорили мне – в нетерпении ожидая, конечно, когда же я, наконец, попадусь. Это было неправдой – но в тот момент и Настя и Рита провоцировали лишь злобу и обиду. Обидным казалось то, что они – на стороне удачливого и ловкого Коли, и подразумевалось это изначально. Я же – ботаник и умник – считался неудачником и в подобных играх побеждать был не должен. Эта выдуманная несправедливость, казавшаяся мне очевидной, лишала меня последней уверенности – и всяческих сил. Мне хотелось сочувствия и симпатии со стороны моих зрительниц, хотя они и по-прежнему казались мне глупыми болтушками – не говоря уже о том, что были моими подружками. Но в тот момент любой, кто наблюдал за нашим поединком, представлялся мне крайне важным зрителем, чью любовь я был обязан завоевать. Я был зависим от его расположения – и боялся лишиться его. Из-за неловкости или той изначальной несправедливости – всех по отношению ко мне, убедительности которой придавало воображение. Играл я от этого не хуже – но неуверенность, страх и обида продолжали неизменно расти.

В тот же день, в воскресенье, я впервые побывал у Коли. Настойчивость его была неисчерпаемой и дерзкой – и родители мои капитулировали. Дима идет в гости. Было это обычным и нормальным (как и играть в «стрелялку») – но больше всего на свете мне хотелось вернуться домой. Все новое казалось страшным и неловким – боязнь же повести себя неправильно и глупо заставляла меня каменеть. Я не знал, что делают в гостях, не знал, как разговаривать с чужими мамами, не знал лифтов в высоких домах – не знал дороги домой. После поражения в битве с Колей это представлялось ненужным, но главное – жестоким. Ужасно жестоким со

стороны родителей. Эгоистичная напористость Зацепина казалась мне невероятной. Он разговаривал с ними до того нагло и смело, будто, и впрямь, имел право заставить меня выполнять любые его капризы. Он только что играл с другом на улице – теперь же друг идет к нему в гости. Так будет правильно – и так положено. Так считали и родители. Я не понимал, как они могли согласиться, как могли поддаться, как могли отправить меня туда – когда я так этого не хочу. Я пытался возражать – но слабый и тихий голос мой тонул в общем и громогласном согласии, звучащем как приговор. Я покорился – но самой пытки не запомнил.

В конце нашего класса, посередине, стоял шкафчик со стеклянными дверцами. За ними Анна Валерьевна держала игрушки, разные поделки и книжки – по которым мы, вероятно, учились. Ни я, ни Чихачевский не замечали внутри ничего особенного – пока в один прекрасный день не появились там две игрушки. Одной из них был Песик с мячиком, другой – Медвежонок. Так назвали их мы с Димой – опираясь на то, что увидели. И, хотя мы не могли забрать их домой, мы воображали, что это случилось. Что у меня живет Песик с мячиком, а у него – Медвежонок. Они назывались «гостями». Постепенно у каждого из нас поселялись все новые и новые «гости», бравшиеся из мультфильмов, книг и наших совместных фантазий, которыми мы обменивались по телефону. Так, мы придумали двух бездельников и хулиганов, которых звали Прикол и Колец. Имя первого было говорящим – второй же появился из-за Толкина (тогда я посмотрел уже все фильмы). Прикол поселился у меня, Колец – у Димы. Споров почти не возникало – в случае же полной невозможности договориться «гость» попросту клонировался. Иметь клона было неприятно – но все же лучше, чем уступить «гостя» совсем. Каждый обладал определенными способностями – и состоял в определенных отношениях с другими. Во главе двух домов стояли Песик с мячиком и Медвежонок. Они обладали высоким уровнем интеллекта и были значительно сильнее остальных – напоминая этим Профессора и Магнето, управлявших другими мутантами. Разница состояла в том, что в обоих домах жили «добрые» – и совместно сражались со «злыми», приходившими всегда со стороны. Каждая битва с мировым злом детально обсуждалась по телефону и разыгрывалась по ролям. Голосов почти не меняли – но перед каждой репликой поясняли, кто говорит. Этого было достаточно, и погружение в атмосферу придуманного казалось абсолютным. Иногда возникали ссоры. В этом случае Песик с мячиком и Медвежонок говорили от нашего лица. Неловкости не возникало. Оба мы верили, что говорим именно с теми, кем и представляемся. «Гости» продолжали заселяться к нам в течение долгих месяцев. Отношения менялись, битвы продолжались – конец же наступил незаметно.

Но с Димой мы встречались и вне школы. Вчетвером (вместе с бабушками) мы ходили гулять в соседние дворы – и играли там. Среди любимых развлечений были бадминтон, бросание тарелки и футбольный мяч, с которым можно было делать массу занятных вещей. Так или иначе, все игры превращались в игры с препятствиями – горками, лестницами и каруселями. Играя в бадминтон, мы занимали самые нелепые позы, бегали, прыгали, ложились на землю, залезали на лестницы и горки – стараясь не столько продлить игру, сколько отбить воланчик самым смешным и невероятным образом. При этом раздавались глупые комментарии и выкрики. Не менее обязательными были и кривляния, всегда казавшимися преувеличенными, но оттого – еще более смешными. Восторг вызывало все: необычный способ отбивания, занятая позиция, удачный выкрик или движение, длина раунда. С мячом было то же самое – но еще разнообразнее и веселее. Случайный пинок отправлял его в путешествие по детской площадке, неизбежно сопровождавшееся рикошетами, ударами и столкновениями со всеми аттракционами, скамейками и деревьями. Здесь так же ожидалась лучшая комбинация – максимальное число рикошетов, их сложность, последовательность и длительность. Играли и били всегда по ролям. Это мог быть один из «гостей», персонаж мультфильма или одноклассник. Иногда соревновался весь класс, и мы болели за своих фаворитов – поражаясь, как желание увидеть виртуозный удар в чьем-то исполнении нередко совпадало с действительно-

стью. В похожую игру играли и по телефону. У каждого был мячик-попрыгунчик, который запускался по очереди. Запустивший наблюдал за всеми прыжками и отскоками – после чего во всех подробностях описывал увиденное другому, стараясь как можно ярче и эмоциональнее передать особенно удачные броски. Часто эмоции рассказывавшего доходили без потерь – настолько живо воображал слушавший комнату и все движения мячика, даже не видя их. Самые немислимые и успешные запуски коллекционировались – и вспоминались в следующих разговорах. Так же подробно обсуждались по телефону и компьютерные игры, в особенности – «Герои меча и магии». Описывались битвы, число воинов и факт наличия апгрейда в каждом случае, общая стратегия, особенно надоедливые и опасные противники, количество замков и ресурсов. Иногда это делалось в реальном времени. Игрался один и тот же сценарий, который, ход за ходом, по очереди проходил по телефону. До конца доигрывали редко – но процесс поглощал целиком и был увлекателен сам по себе. Некоторые битвы разыгрывались потом в движении на переменах – так же с описанием армий и озвучиванием каждого существа. Так проходили эти годы.

То, что я говорил про утро казни – не преувеличение, не вымысел. Каждый день совершалась трагедия, каждый день был последним. Пробуждение казалось страшнее любого кошмара. Я чувствовал смертельную необходимость полежать, примириться, успокоиться – я был пригвожден ею к постели. Но едва пробудившееся сознание уже знало: на все раздумья – не более пяти секунд. Их отмеривали шаги, раздававшиеся в коридоре – и означавшие неотвратимость. Знала ли бабушка, какой смертельной тоской и мучением отзывались они в моей душе? Я был зверем, разбуженным в пещере шумом приближавшейся охоты. Инстинкт ясно говорил мне: сбежать нельзя, они уже здесь, поздно. Тело мое сжимал утробный страх, и мелкая дрожь начинала бродить по нему, ожидая прикосновения действительности – той, что за пределами кровати. Проваливаясь ночью и выныривая утром, я чувствовал, что не прошло и минуты, что меня обманули. Головокружительное отчаяние, вопиющая несправедливость, абсолютная невозможность – я думал об этом. В то же мгновение возникал циферблат. Я видел каждую цифру – и как стрелка поочередно приближается к ним, разворачивая линию времени, где уже размечены события: пробуждение, завтрак, чистка зубов, лежание в кровати, одевание, выход. Расстояние между двенадцатью и восьмеркой казалось немисливо коротким. Немислимым казалось совершить все так быстро, что не оставалось и минуты – на отдых, на размышления, на свободу. Линия времени страшно сжималась – сжималось и что-то в моем желудке, и сам я сжимался как пружина. Я вылезал во тьму – и через двадцать минут нежные объятия постели принимали меня обратно. Это была важная, жизненно необходимая традиция. Меч оставался занесенным, но была возможность удалиться, спрятаться, перенестись – настолько, насколько растягивалась ткань времени. Она бывала капризной и жестокой – но не чуждо ей было и милосердие. В эти мгновения я прощался со всем: с кроватью и со шкафом, с бабушкой и с дедушкой, с мультфильмами и вымышленными друзьями. В то же время я говорил «пока», зная, что вернусь – но что будет это нескоро. Так нескоро, как будто бы – никогда.

Свой путь на эшафот я знал наизусть. Начинаясь с порога квартиры, он доходил до конца дома и, миновав помойку, пересекал шоссе. Здесь находился перекресток. Он разделял мир на две половины – и светлая оставалась позади. Дальше были еще дома – и снова перекресток. В доме направо жили Арик, Талызина Ира, Дима Рудковский. Слева – многие, в их числе – Лара. Но я еще не знал ее. После оставались решетка, школьный двор – путь до дверей. Я не был тем беззаботным школьником, что бредет спокойно по улице, размахивая мешком, взбираясь на бордюры и перепрыгивая лужи, и все это – в одиночестве. Меня провожали. Но я не мог сказать ничего. Не мог сказать даже бабушке, услышав сочувствие – но не понимание. Да и можно ли было понять меня? Увидев меня изнутри, сердце облилось бы кровью, разрыдалось бы, поразило. Зачем же так серьезно? Но все было серьезнее некуда. Я шел с осознанием приговора, думая, что не вернусь – и все же зная обратное. Все выглядело напрочь иррацио-

нальным. Я шел с таким чувством и видом, будто ожидал пыток и унижений – тогда как ждали меня товарищи и уроки. Я думал о себе в третьем лице. О маленьком и беспомощном ребенке, которого посылают на смерть. Маленький и беспомощный ребенок в постели, за завтраком и на улице – до чего мне было жаль его. Я почти плакал.

Да и трудно было не делать этого. Школа встречала доброй песней, от которой разрывалось сердце. Я не думал о том, что выше всех ростом и что многих умнее – я боялся. Боялся всего. Боялся уроков, боялся учительницу с ее взглядом, боялся неуважения товарищей, боялся быть беспомощным и запуганным – боялся быть. Боялся быть не как все, не справиться с тем, с чем справляются другие. Последнее было самым ужасным, постыдным, но главное – невероятным. Как же так: он тоже ходит в школу, тоже мальчик, тоже с портфелем, с домом и с родителями – но совершенно ничего не может! Не может решить пример. Не может вывести соединение. Не может выразительно читать. Не может лазить по канату. Не может выступить на празднике. Не может быть школьником. Не может быть. Это было преувеличением, мнительностью, болезнью – но это было, и с этим я жил. Живу и до сих пор. Но тогда все казалось безнадежным. Казалось, я не выдержу каждодневной пытки – ведь ей не видно конца. Половина субботы, воскресенье, сдавленность в желудке и снова – целая неделя. Ничего другого не вспоминается – и не было на самом деле.

Средние

Хорошая снежная битва была редкостью. Нечасто выйдешь из школы и увидишь весь класс, схлестнувшийся в смертельной схватке – девочки против мальчиков. В такие моменты не успеваешь скинуть портфель, ввязываясь в нее со ступенек – и так и носишься с ним по глупости, потая и теряя преимущество. Битва могла длиться долго – и разворачивалась на разных участках. Вначале – перед выходом, в огромном дворе. Линия кустов отгораживала его от участка перед забором, разделяя поле битвы на две больших половины, внутри которых были свои, вызванные условиями боя разделения. Хотя снежки летели градом, поначалу тебя не замечали – но лишь до первого выстрела, тут же причислявшего наглеца к одной из команд. Подразумевалось, что это – команда мальчишек, но у меня были свои предпочтения. Сама идея сделать все не по правилам настолько нравилась мне, что я нередко оказывался в стане противника сразу же, как только вступал в битву. Это злило мальчишек и удивляло девчонок – но ровно на это я и рассчитывал. Уже один эффект неожиданности оправдывал такой выбор – но произвести хотелось не только его. Речь шла о впечатлении, которое мой поступок должен был вызвать у девочек. Встав на их сторону, я показывал, что они мне этим симпатичнее и интереснее товарищей – слишком примитивных и грубоватых в своем желании разбить слабых девчонок. Но не менее часто я оказывался и на правильной – и тогда стремился поразить товарищей ловкостью и самоотверженностью, бросаясь под снежки и выбегая вперед, чтобы прикрыть своим телом наступление. В ход шли все средства. Самые подлые подбегали со спины – и огорошивали броском по голове или за шиворот. Иногда же валили на землю – и засыпали противницу с ног до головы. Находились сорвиголовы и среди девчонок – но в целом силы были неравны. Так или иначе, всем было весело – и отдельными компаниями сражение продлевали и дальше.

За территорией школы начинался особенный беспредел, устраиваемый обычно двумя хулиганами – Тимуром Довлатовым и Никитой Стрельниковым. Тимур считался моим другом, но в присутствии Никиты становился неуправляемым и злобным, так что мы нередко дрались – всерьез и до боли. С Никитой же дрались постоянно. Он находил особенное удовольствие в том, чтобы приставать ко мне и злить меня, издеваясь и постоянно высмеивая. Иногда ему подражал и Тимур. Я ненавидел Никиту и обижался на Тимура, прилюдно и в слезах заявляя, что он мне больше не друг. Через день все забывалось, но повторялось снова и снова – чаще, чем хотелось бы. В одной из таких схваток Никита разбил мой телефон – и вражда наша в тот момент достигла своего пика. У него был долгий разговор с моей мамой – но и после мы продолжали драться и срывать друг на друге злобу. Никита был сильнее и популярнее – и потому побеждал. Все закончилось в десятом классе. Мы неожиданно поладили. Никита оказался начитаннее всех наших одноклассников – и уж точно умнее большинства.

Но снежные битвы все равно не теряли своей прелести, и бросаться снежками, идя к дому, было невероятным наслаждением. Это было замечательно по двум причинам. Первая состояла в том, что ты чувствовал себя избранным. В основном сражении, проходившем перед школой, могли участвовать все до единого, в дальнейших же – лишь небольшая кучка. Таких кучек могло быть больше одной, так как к дому вели две разных дороги. Каждая из них предпочитала свою – и могла встретиться с другой на перекрестке. Каждая могла пройти мимо или вступить в общую схватку – и тогда силы перераспределялись. Если среди подошедших оказывались Никита или Петухов, кучка наша заметно унывала. Битва грозила обернуться бойней. Под «домом» подразумевался мой собственный дом, и было интересно все, что происходило до него – не только битвы. Мне нравилось быть в числе тех, кто, выйдя за территорию школы, не попадает сразу домой, а вместе с другими счастливицами продолжает путь. Жившие рядом были лишены такого преимущества. Они доходили до подъезда и прощались с товари-

щами, не имея возможности поучаствовать в том, что выпадет на долю оставшихся. Это могла быть снежная битва, смешной разговор, либо самый обычный поход домой – для воображения отсутствовавшего все было в равной степени возможным и интересным. Я был рад, что живу достаточно далеко и могу принять участие в том, в чем не успеют другие – покинувшие наши ряды раньше. Но и я покидал их не последним. Дальше жили многие, можно сказать – большинство. Я не чувствовал себя от этого несчастным – и не слишком думал о том, какие приключения постигали тех, кто поворачивал за моим домом налево или шел дальше вдоль него, чтобы выйти к остановке. Я с трудом представлял себе, где они живут – и знал только ориентиры: пруд, поле, двадцать четвертая школа, магазин «Рубин». Некоторые из них находились так далеко, что сложно было и поверить в существование такого пути. Слишком уж долго идти до школы.

Хотя встреча с Димой Петуховым почти всегда грозила побоями, он бывал удивительно вежлив и дружелюбен, когда ты виделся с ним один на один. В пятом классе случилось немыслимое – меня взяли в команду. Соревнования назывались «Веселые старты» – и ехали мы в другую школу, чтобы занять там последнее место. Но меня это не огорчало ничуть. Я ходил в майке с названием команды – и был в числе избранных. Избранным был и Дима. После одной из снежных битв (где мы сражались рука об руку) нужно было ехать. Мы вместе возвращались домой и шли по непривычной дороге – той, где ходил Фадеев. Я чувствовал себя как первоклассник, идущий рядом с пятиклассником, снизошедшим до того, чтобы составить тебе компанию – и даже получавшим от этого некоторое удовольствие. Дима был весел и привычно самоуверен – я старался выглядеть так же. Разгоряченный после боя, он брал с земли снег – и ел его. В этом простом действии заключалась вся сила и смелость простого пятиклассника, становившегося вдруг значительнее, серьезнее и взрослее. Дима Петухов был обычным хулиганом – но та естественность, с какой он поглощал и выплевывал снег, делала его свободным и независимым. Он сражался, победил и заслужил свою порцию снега – охладить лицо и пыл. Мне это представлялось немыслимым. После каждой битвы я удивлялся, что сумел не простудиться и приходил на следующий день здоровым. Получить снежок за шиворот или отворот сапога было уже верхом беспокойства. Мысленно я начинал видеть бабушку, с тревогой вопрошавшую, отчего это я кашляю и хлюпаю носом. К утру обнаруживались красное горло, озноб и – в лучшем случае – тридцать семь и семь. Таблетки, кошмары, никакого компьютера и – в лучшем случае – полторы недели пропуска. Но так бывало нечасто – почти никогда. Я волновался, фантазировал – но оказывался все так же здоров.

В любом случае, есть снег казалось безумием. Но Дима ел его – и ехал потом на соревнования. Что-то в этом мире было не так, как я думал. Что-то запрещалось одним и дозволялось другим. Я причислял себя к первым. Почему-то так выходило всегда. Так, я никогда не ходил в бассейн. Считалось, что у меня аллергия на хлорку – и после единственного моего «погружения» тело мое покрылось пятнами. Из-за этого каждый год мне выписывали справки. У меня было освобождение. Поначалу объяснение это казалось мне правдивым. Каждому, кто меня спрашивал, я серьезно отвечал – у меня аллергия. Все, кто отлынивал от занятий, сидели в специальной каморке. Народу собиралось немало. Мы знали друг друга в лицо. Я был постоянным членом клуба – старейшим и почетным. Одни бывали у нас неделями – и затем исчезали. Другие приходили часто – но с перерывами. Третьи – на денек-другой. Я чувствовал заслуженность своего положения – но куда сильнее испытывал облегчение. Чем старше я становился, тем труднее было поверить, что я окажусь когда-нибудь в бассейне – и действительно буду плавать. Особенно страшным казалось то, что я жутко отстал – и уже никогда не нагоню остальных. С каждым годом чувство неловкости за свою «болезнь» становилось все сильнее – и все труднее было сохранять уверенность. Новые члены клуба смотрели на меня привычно – но с легким удивлением. Сколько же он будет сидеть тут? Вечность. За эту вечность мы перепробовали множество игр. Здесь рассказывались анекдоты. Здесь составлялись заговоры.

Здесь мы дрались с Никитой. Здесь был разбит мой телефон. Меня впервые схватили за ухо и поставили в угол – тоже здесь. Здесь я провел десять лет.

Многое запоминается из-за влюбленности. История моей школьной жизни – история влюбленностей. Начальная школа – Рита Островская. Тогда чувство было неотчетливым и детским, выражаясь в желании видеть постоянно и быть поблизости. Позднее стало сильнее, но не серьезнее и глубже – грубее. Пятый класс – Лара Милюкова. Она перевелась к нам в тот год, на первых неделях сентября. Я, как и всегда, болел. Выход с больничного был тяжелым и мучительным временем. Мысли об отставании не отставали ни на минуту. Войдя утром в класс, я обнаружил там незнакомую девочку. Я был поражен. Как и все новички, она сидела сзади. Был урок литературы. Дома мы рисовали богатыря – былинного героя, придуманного самостоятельно. Рисунки спрашивали не со всех. Лариса Федоровна заставила нас голосовать. В числе победителей оказалась новенькая. Богатырь ее был великолепен. Так я понял, что Лара – особенная. Во время голосования ее называли по имени, ее фамилию знали – она училась не первый день. Это открытие поразило меня – уже второй раз. Стараясь отвлечься, я поглядывал на доску. Там висел богатырь. На длинной лошади и с длинным копьём, утонченная внешность Алеши, но по виду – Добрыня. Зеленый и в шлеме. Я голосовал за него. В воздухе нарастало что-то тяжелое, я чувствовал это. Тяжелело мое сердце, сжимавшееся при мысли о человеке, с которым я не был знаком – но с которым познакомиться требовалось. Я знал, что не решусь на это сразу, не подойду и не поздороваюсь на перемене. Буду оттягивать. Оттягивать, сколько возможно. Так, момент моего знакомства с Ларой камнем повис на душе, маяча в далекой и грозной перспективе. Но я не запомнил его. Я уже говорил ей Лара, а она мне – Астахов.

После – первое ключевое событие, конец второй четверти. Большой перерыв между уроками заставил нас спуститься в раздевалку и ждать. Нас был немного. Лара и Ира Талызина, Аня и Коля Зацепин, Тимур и Саша Терешков – и Петухов поблизости. Всех названных (в их числе – и меня) связывали определенные отношения. Тимур, Коля и Саша относились к «друзьям» – но слово это понималось в каждом случае по-разному. Больше всех на меня походил Коля – как внешне, так и по образу мыслей. Под «образом мыслей» понималось одно единственное сходство – интерес к девочкам. Проявлять его должен был каждый мальчишка – но среди моих товарищей интерес этот был мне не известен. Вероятно, он умело скрывался – но мастером скрытности был и я. Открыто проявлял его только Коля – объектом же обожания становилась Лара. Своей любовью он делился со мной – о моей же вряд ли подозревал. Не считая страсти к взрывам и убийствам, Саша был скромным и безобидным мальчиком. Истории о «сундучке», восторженные крики об оружии, керосин, порох, динамит – все это звучало и пахло не слишком, но было терпимо и по-своему весело. Саша был веселым. Саша был вежливым. Саша был артистом. Но главное – Сашу не воспринимали всерьез. Саша плохо учился. В шестом классе он уехал в Тулу. Тимур был непостоянным. Об этом говорилось раньше – и будет сказано позднее. Главным же было то, что Тимур враждовал с Ирой. Местных «Ангелов Чарли» она представляла вместе с Ларой и Аней – Тимур враждовал со всеми. Я видел иначе. Противостояние двух лагерей (во втором – и мы с Колей) было своеобразной игрой в любовь, в которую играют дети, не умеющие признаваться в чувствах – серьезно и в лоб. По этой причине выражалась она грубо и по-детски – в виде пинков и поколачиваний. Бьет значит любит – про это слышали все. Но серьезных травм любовные заигрывания школьников не приносили. Болезненные для того возраста ушибы, неприятно, обидно – но не более. У мальчиков – кулаки, у девочек – каблуки. Равновесие достигалось. Противостояние же наше становилось событием, вызывало живейший интерес, вовлекало. Мы жили в мире зубрежки и послушания, школьных столовых и классов, детских шалостей и обид. Здесь же было иное – манящее и взрослое, либо – его прототип. Ира представлялась хитрой и коварной женщиной. В сравнении с Аней – насмешливой и гордой наблюдательницей – немного простоватой и грубой – но все же опасной исполнительницей. Во главе сладкой троицы незримым божеством высилась она – моя

ненаглядная. Ослепленный я был уверен, что и Тимур поклоняется ей, притворяясь. Вражда с Ирой – прикрытие, Аня – не так хороша, не так интересна, не высшая награда. Лара – да.

Кулаки и каблуки уравнивались, но несправедливость существовала. «Ангелов» было трое. Чувствуя, что Ира уступает, те валькириями набрасывались на Тимура. Получая множественные ранения, он отступал. Война продолжалась – вот уже несколько месяцев. Завязавшийся в раздевалке диалог с «ангелами» перерос в новую схватку. Она – самая лучшая, самая умная, самая красивая. Как хороша она в бою, как задорно вздернут ее носик, как блестят ее глаза, какой удар! Она – противник мечты. Мы с Колей думали об одном. Предоставлявшийся уникальный шанс не был упущен. Битва началась в раздевалке – но масштабы ее разрастались. Несколько ближайших коридоров, верхние этажи в корпусах младших и старших, все лестницы между ними – все было задействовано, везде мы бегали, везде сражались. На лестницах бои протекали особенно тяжело. Каменные ступеньки предназначались для ног, но на них оказывались тела, вернее – тело. Тимура валили и валяли, пинали и тянули. Аня и Лара – в одну, мы – в другую сторону. Ему серьезно доставалось, так как от Коли и от меня не было большой пользы. Большую часть времени Зацепин сидел в раздевалке и защищал Сашин портфель. Тот стал своеобразным «флагом» или сокровищем, за обладание которым и бились обе команды. Сам Саша ничего не понимал – и молча, с глупой усмешкой, сидел в сторонке. Я носился за Тимуром и «ангелами» – но смысла в этом не было. Я помогал вырваться, но не помогал отбиваться – таков был мой характер. Я хотел быть свидетелем всех событий, видеть и слышать все, что говорят и делают другие. Я не мог смириться с тем, что кто-то и где-то занимается чем-то, о чем я не подозреваю и не знаю. Я хотел быть там и тут – быть везде, быть всеми, быть участником всего. Мне хотелось быть своим, хотелось быть в курсе, в теме. Быть, как Никита или Фадеев, быть принятым туда, где меня не было, куда меня не звали – где я был лишним. Не выделяться. Но я был нерешителен в притворстве и неумел в игре. Мои намерения легко раскрывались. Я говорил на чужом языке, не так смотрел, не так выглядел. Я был другим. Меня знали. По этой причине подражания оставались подражаниями, участие же мое – иллюзией. За воображаемой активностью пассивности было не скрыться. Я был и оставался наблюдателем, вечным свидетелем чужих жизней, губкой, впитывавшей живительный сок общения. Общения с теми, кого считал ниже себя – но кому симпатизировал и хотел подражать. Я думал, что мы можем быть друзьями (все мы, без исключения), что все будет запросто и открыто, что каждый стремится именно к этому. Сам же бывал молчалив и нелюдим – даже в центре веселой компании. Я злился и винил себя за это, и оттого еще больше краснел, запинаясь – и опускал глаза в землю. Я еще не умел надевать маску, полностью теряя себя – но становясь говорливым.

Ни Лара, ни Аня не проявляли ко мне интереса. Как сторонник Тимура я мешал им, но был слишком безобиден, чтобы стать противником – настоящим и серьезным. И, если мне перепадало несколько ударов, предназначавшихся Тимуру, я бывал на седьмом небе от счастья, вдохновляясь на новые подвиги и продолжая преследовать «ангелов». Но сам я никогда не прикасался к ним. Даже в пылу сражения я считал это непозволительной роскошью и дерзостью, претендовавшей на совершенно особую и недоступную мне близость. Стыдливая нерешительность проявляла себя во всей красе – напрочь забыв о том, что идет бой и «рукоприкладство» оправдано. Сашин портфель был захвачен. Мы с Зацепиным яростно преследовали похитительниц. Украденный рюкзак удалось перехватить. Удалось лично мне. Но преимущество в скорости было потеряно. Увидев бежавшую Лару, я без раздумий скинул «флаг». Он оказался у противника. Чувствуя небывалую легкость, я мчался по коридору – и неожиданно для себя перерезал ей путь. Преследуя, я не знал, что буду делать, если поймаю. Остановившись перед Ларой, я понимал одно: «поймать» ее я не в силах. Робость сковывала меня по рукам и ногам. Ничего не произошло – она спокойно прошла мимо. В раздевалке все уже знали. Аня держала Сашин портфель и улыбалась. Дима показывал пальцем и посмеивался. Но главное – повторял

те страшные и позорные слова: любишь, любишь. Я горячился и конфузился, оправдывался и возмущался. Все было ясно как белый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.